

*Н. В. Голик**

ДЖОН СМИТ И ЕГО «SELECT DISCOURSES»:
ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ**

Аннотация: В статье рассматривается краткая биография и текст Джона Смита «Select Discourses» («Избранные Дискурсы»), представляющий одно из важных произведений Кембриджского платонизма. Жизнь и творчество Смита пришлось на время резкого противостояния традиционного кальвинизма и зарождающегося неоплатонизма в Кембридже. Бенджамин Уичкот (старший из Кембриджских платоников) олицетворял собой либеральную позицию, которая была неприемлема уже для его наставника Энтони Такни — представителя кальвинистского пуританизма. Смит был верным последователем Уичкота и следовал основным идеям его концепции, о чем ярко свидетельствуют его «Избранные дискурсы». Но самым показательным в этом плане является Дискурс 4 «О бессмертии души». Смит убежден, что представление о бессмертии души присуще большинству людей, что оно естественным путем становится всеобщей верой и может быть принято как принцип или постулат, который абсолютно не нуждается в каких-либо доказательствах. Факт бестелесной природы души подтверждается способностью души контролировать чувства, мышление, память и предвидение, что несовместимо с атомистической теорией Эпикура. Последний аргумент в пользу бессмертия души заключается в том, что в уме человека присутствуют ясные и устойчивые идеи истины, которые свидетельствуют о бессмертной и нематериальной субстанции, пребывающей в нас, отличной от тела. Таковы архетипические идеи справедливости, мудрости, добра, истины, вечности, всемогущества и все те моральные, физические или метафизические понятия, которые являются либо первыми принципами науки,

* *Голик Надежда Васильевна* — доктор философских наук, профессор, ассоциированный научный сотрудник Социологического института ФНИСЦ РАН.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №15-03-00813 / The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-011-00845.

либо ее основным набором и совершенной идеальностью. Завершает Смит цепь доказательств бессмертия души пассажем об истинной и настоящей доброте, будучи убежденным в том, что «только истинное добро и добродетель в душах людей могут заставить их одновременно знать и любить, верить и радоваться собственному бессмертию».

Ключевые слова: Платон, Аристотель, Эпикур, Плотин, Бог, Священное Писание, божественное, вера, бессмертие, душа, материя, атомы, предрассудки, идеи справедливости, мудрости, добра, истины, вечности.

N. V. GOLIK

JOHN SMITH AND HIS «SELECT DISCOURSES»:
NOTES ON THE MARGINS

Annotation: The article discusses a brief biography and text of John Smith's «Select Discourses», which is one of the important works of Cambridge Platonism. Smith's life and work came at a time of sharp confrontation between traditional Calvinism and emerging Neoplatonism in Cambridge. Benjamin Whichcote (the eldest of the Cambridge Platonists) personified a liberal position that was unacceptable to Anthony Tuckney, a representative of Calvinist Puritanism. Smith was a loyal follower of Whichcote and followed the basic ideas of his concept, as clearly evidenced by his «Select Discourses». But the most revealing in this regard is the Discourse 4 «On the immortality of the soul». Smith is convinced that the idea of the immortality of the soul is inherent in most people, which naturally becomes the faith of even the simplest people, therefore «The immortality of the soul» can be accepted as a principle or postulate and absolutely does not need any proof, because the primary source of divine truth is a vital feeling or ability within us. The fact of the disembodied nature of the soul is confirmed by the ability of the soul to control feelings, thinking, memory and foresight, which is incompatible with the atomistic theories of Epicurus. The last argument in favor of the immortality of the soul is that there are clear and stable ideas of truth in the human mind, which testify to an immortal and immaterial substance residing in us, different from the body. These are the archetypal ideas of justice, wisdom, goodness, truth, eternity, omnipotence and all those moral, physical or metaphysical concepts that are either the first principles of science, or its basic set and perfect ideality. Smith completes the chain of proofs of the immortality of the soul with a passage about true and real kindness, being convinced that «only true goodness and virtue in the souls of people can make them simultaneously to know and to love, to believe and to rejoice in their own immortality».

Key words: Plato, Aristotle, Epicurus, Plotinus, God, Holy Scripture, the divine, faith, immortality, soul, matter, atoms, prejudices, ideas of justice, wisdom, goodness, truth, eternity.

Среди Кембриджских платоников Джон Смит (1618–1652) прожил самую короткую жизнь, скончавшись в возрасте всего 34 лет. О его жизни, к сожалению, мы знаем очень мало. Как написал Джон Таллок в своем фундаментальном труде¹, Смит — «мыслитель без биографии». Подобно Генри Мору, его деятельность «никогда не выходила за пределы университета», но даже на исходе двух столетий, к XIX в., репутация Джона Смита оставалась неизменной: «В некоторых отношениях самый замечательный из всех, самый богатый и прекрасный ум и, безусловно, лучший писатель из всех...». То многое, что мы можем сказать о биографии Смита, можно почерпнуть из предисловия к его основному труду «Дискурсы» («Select Discourses»). Они были опубликованы в 1660 году, уже после смерти Смита, под редакцией Ворфингтона, который стал и автором предисловия.

Смит родился в 1618 году в маленьком городке графства Нортгемптоншир, в 69 милях к северу от Лондона, в семье мелкого фермера. В 1636 году его отправляют в Кембридж, где он поступает в Эммануэль Колледж и проходит обычный путь профессионального приобщения духовного лица к служению церкви и преподавательской деятельности: в 1640 году Смит получает степень бакалавра, в 1644 — магистра, после чего становится членом Королевского колледжа. Следует подчеркнуть особую роль Бенджамина Уичкота (идейного вдохновителя кембриджских неоплатоников) в становлении Смита. Доктор Уичкот, в то время член колледжа, а впоследствии ректор Королевского колледжа, с присущей ему добротой и готовностью поддерживать студентов, очень помогал Смицу в его учебе ценными советами. Из текста предисловия также следует, что Уичкот был не только наставником, но и покровителем-благотворителем в истинном смысле этого слова. Смит очень ценил и с благодарностью вспоминал всю свою жизнь оказанную ему интеллектуальную и материальную помощь.

В 1650 году Смит был назначен деканом колледжа и катехизатором, и лекции, прочитанные им при исполнении своих должностных обязанностей, составляют основную часть избранных бесед. Естественно, Смит, как всякий настоящий преподаватель, любящий свое дело и читающий свой курс не один год, вносил в лекции дополнения и изменения (беседы предназначались для устного изложения), но ранняя смерть не позволила ему подготовить окончательный вариант текстов для издания, и эта задача была выполнена его другом и коллегой Ворфингтоном.

Из предисловия к «Select Discourses» читатель узнает о том, что Смит свои обязанности наставника и преподавателя выполнял очень добросовестно, обладая редкой способностью говорить о сложном понятным и легким языком. Кроме того, современники отмечали его выдающиеся заслуги в качестве преподавателя математики в государственных школах.

Но любая из сфер деятельности Смита была пронизана так называемой «благодатью духа», что отмечали его ученики, верные сторонники и почитатели, настаивая на том, что это качество, присущее ему, было «тем более замечательно, что по характеру Смит был от природы горяч и вспыльчив, как это обычно бывает с величайшими умами». Ворфингтон подчеркивает, что если читателю могут показаться несколько преувеличенными суждения о Смите в превосходной степени, то это кажется таковым только тем, кто либо не был знаком с ним и не знал его достоинств, либо полагал так в силу собственной нравственной увечности. Смит предстает также эталоном моральных качеств, воплощая своим образом мыслей и жизни классический набор добродетелей: справедливости, достоинства, чести, доброты и великодушия.

Если говорить об основной интенции деятельности Смита, то ее можно сформулировать следующим образом: «Он призывал не к тому, чтобы огонь с небес сошел на людей, а к огню божественной любви, который мог бы сжечь всю их ненависть, грубость и жестокость друг к другу». Здесь следует сделать небольшое отступление и пояснить один очень важный и принципиальный момент религиозно-философского противостояния кембриджских неоплатоников и традиционных кальвинистов. Дж. Таллок полагает, что именно жизнь и воззрения Уичкота знаменуют собой подъем нового направления мысли в Кембридже, и поясняет, что оно возникает «отчасти из творческой деятельности философского духа, утомленного сухостью истощенной схоластики, и оживленного благодаря возрожденному изучению Платона, а отчасти из реакции на религиозный фанатизм того времени, который в своей жестокости и нетерпимости вызывал отвращение у философских умов в университетах». В этом плане очень характерна письменная полемика между Уичкотом и его учителем Такни в нач. 50-х гг. XVII в., которая получила широкую известность и резонанс среди английских протестантов. Уичкот олицетворял собой либеральную позицию, которая была неприемлема для Такни — представителя кальвинистского пуританизма.

Известно, что фундаментальным принципом доктрины кальвинизма является суверенитет Бога, то есть верховная власть Бога во всем. Отсюда следует, что Библия может толковаться только на основе Библии, и любой фрагмент Библии может быть истолкован только с помощью авторитета Божьего, а не с позиций какого-либо другого авторитетного интерпретатора (пастора, священника и т. п.). Таким образом, Священное Писание для Такни является высшим авторитетом, призывом Божиим, принимая который христианин отвечает верой, иначе говоря: основное призвание разума в сфере религии — быть слугой веры, осуществляя богослужение. Позиция Уичкота была совершенно иной. Уичкот убежден: вере не нужен внешний авторитет Священного Писания, ибо, как он полагал, вера есть лишь естественное проявление человеческой природы, часть его разумной деятельности. Из этого общего положения Уичкот делал важный частный вывод: все противоречия между христианами не могут быть решены путем простого обращения к Священному Писанию и выяснения его учения; из Священного Писания можно взять лишь некий минимум благодатных истин, общих для всех христиан, тогда как остальные вопросы должны решаться с помощью разума и в духе доброжелательного поиска компромиссов.

Еще одно принципиальное расхождение было связано с вопросом о спасении: не отвергая роли божественной благодати в оправдании и спасении, Уичкот утверждал, что Иисус Христос, прежде всего, действует в человеке изнутри, делая человека подобным Себе; лишь в силу этого уподобления происходит внешнее избавление от наказания за грех и примирение с Богом. Безусловно, истоки платонизма в учении Уичкота были очевидны, как и у всех кембриджских неоплатоников. Их представление о богоподобной природе человека, обладающего исконным стремлением к добру и способного собственными силами возвыситься до соединения с Богом — наследие платоновской теории анамнезиса (anamnesis), что категорически не устраивало Такни. Учение кальвинизма, как мы помним, — учение об абсолютном (Божественном) предопределении, по которому судьба каждого человека не просто решается Богом, а судьба человека находится в абсолютной власти и зависимости от воли Бога, при этом его индивидуальные качества не играют особой роли².

Смит был верным учеником Уичкота и следовал основным идеям его концепции, о чем ярко свидетельствуют его «Select Discourses». Но самым показательной в этом плане является Дискурс 4 «О бессмертии души».

В традициях религиозно-философских текстов XVII века Смит в начале говорит о первых и главных принципах религии, а именно: 1. Бог есть. 2. Бог вознаграждает ищущих Его. 3. Бог сообщает Себя человечеству через Христа. При этом Смит полагал, что третий пункт достаточно ясно и просто изложен в Священном Писании. И поэтому «всякий, кто будет грамотно и со смирением духа обращаться к Богу, беседовать с ним, увидит яркие лучи божественности, сияющие в нем, и, может быть, найдет сам текст намного более ясным»³. Смит неоднократно повторяет, что думать о Боге мы можем только в соответствии с мерой и образом нашего собственного интеллекта, ссылаясь на мудрейших философов, которые всегда учили нас искать Бога внутри себя: «Разум в нас», как говорит нам Цицерон, является «*similitudo rationis aeterna*», и именно так следует толковать слова в Евангелии от Святого Иоанна: «Он есть тот истинный свет, который просвещает всякого человека, приходящего в мир».

Подобно Аристотелю в его «Никомаховой этике», которая тоже является курсом лекций, обращенных к сыну Аристотеля, Смит в основание своих рассуждений устанавливает аксиому. Для Аристотеля аксиомой служило фундаментальное положение эвдемонизма: «все люди стремятся к счастью», что подтверждает практика общественной жизни человека, для Смита — платоника — представление о бессмертии души, присущее большинству людей, оно естественным путем становится верой даже самых простых людей. Ведь «бессмертие души абсолютно не нуждается в каких-либо доказательствах, чтобы прояснить его, но может быть принято как принцип или постулат», ибо первоисточник божественной истины — это жизненное чувство или способность внутри нас.

В чем Смит усматривает порок понимания обычных людей: в готовности и склонности просто верить в то, что их души бессмертны, не погружаясь в существо проблемы, не задаваясь вопросами. Не обладая ни мудростью, ни рассудительностью, не понимая толком, в чем отличие собственной души от своего тела, и вообще, что такое душа, люди очень склонны верить тому, «что какая-то часть ее переживет другую, и что эта душа, которую, может быть, они воспринимают как грубый фантом, будет жить, когда другая, более видимая часть ее рассыплется в прах». Этой примитивной вере сопутствует столь же примитивная вера в Бога, о чем свидетельствует история, наполненная не столько сомнениями со стороны глупцов, сколько со стороны некоторых некомпетентных философов, «у которых было немало остроумия и фантазии, чтобы вызвать

сомнения, подобно злым духам, но недостаточно суждений, чтобы снова справиться с ними», и более того, их «умы недостаточно духовны во время созерцания высшего Существа». Под некомпетентными философами Смит подразумевает, прежде всего, Эпикура и его последователей, о чем он будет говорить неоднократно на протяжении всего текста Дискурсов.

По мнению Смита, примитивная вера основана на распространенном предрассудке, согласно которому земная, чувственная часть человека в принципе одинакова у всех людей, поэтому каждый судит о другом по своему собственному опыту, не в силах представить свое собственное существо иным, нежели материальным и делимым, поскольку души людей преимущественно «проявляют себя в телесных и материальных действиях, беседуя только с чувственными вещами».

Итак, первый аргумент в пользу бессмертия души состоит в том, что душа человека не телесна и не представляет собой совокупность жидких атомов в результате их случайного скопления, как об этом думает Эпикур. Материя или тело также не могут быть источником: чувства и его силы, восприятия, мышления, памяти и предвидения. Человек наделен особой способностью, которая, во-первых, управляет чувством, во-вторых, собирает и объединяет все восприятия наших нескольких органов чувств, и в-третьих, память и предвидение не поддается объяснению на основе положения материи и движения. Именно поэтому мудрейшие философы среди древних единодушно пришли к выводу, что существует некий более высокий принцип, чем простая материя, который является причиной всей жизни и смысла, и что он бессмертен: в частности, платоники, как полагает Смит, считали эту причину достаточной, чтобы перейти к утверждению вселенской души.

Платон считал, что весь мир, вне зависимости от множества его периодических изменений, должен оставаться вечными. Позже Плотин сформулирует эту аксиому следующим образом: «никакая субстанция никогда не погибнет». Следуя этому положению, Смит утверждает, что душа тоже «по своей природе склонна оставаться вечной, и так будет, если только небесные законы не прекратят ее существование», ибо душа человека есть нечто действительно отличное от его тела и поэтому не может быть разделена на такие части, которые должны отделяться одна от другой. Более того, помимо простого чувства у человека есть более высокий уровень знания, и он не единственный источник всей той науки, которая существует. Этот факт также свидетельствует, по мысли Смита, о бестелесной и нематериальной природе души.

Приведем его слова: «Когда бы мы ни размышляли о самой истине, тогда нельзя прислушиваться к нескольким крикам и голосам этих грубых чувств, которые всегда говорят на разных языках, но следует обращаться к какому-то более ясному оракулу внутри себя и поэтому Плотин хорошо заключил о теле: “Если бы человек использовал свое тело в своих спекуляциях, то это опутало бы его разум таким количеством противоречий, что было бы невозможно достичь какого-либо истинного знания о вещах”».

Далее Смит отмечает в наших собственных душах такую способность, которая собирает и объединяет все восприятия наших органов чувств и может сравнивать их вместе, словно все они встречаются как в одном центре. На это указывал и Плотин: «То, в чем сходятся все эти несколько ощущений, как множество линий, проведенных из нескольких точек окружности, и что сжимает их все, обязательно должно быть одним». Смит подчеркивает, что, если бы душа не обладала бы такой способностью⁴, тогда и суждения по поводу различных впечатлений тоже были бы различными.

Еще одним моментом, доказывающим абсолютное отличие души от тела, является наличие особого знания, которое душа сохраняет в себе о событиях прошлого, и в некотором роде предвидит грядущие события, благодаря чему многие люди становятся настолько проницательными в предвидении будущих событий, что они уверенно обдумывают и обсуждают положение дел в настоящем и будущем, будучи готовыми к чрезвычайным ситуациям. В этом Смит усматривает отблеск божественной мудрости, которую не могут сотворить «все перетасовки и разрезания атомов» по Эпикуру. Никакая материя не может таким образом связать прошлое, настоящее и будущее время воедино, а душа человека делает это, словно подражая вечности Бога, разворачивая неисчерпаемый контекст ее собственных неограниченных интеллектуальных возможностей⁵.

Постоянная полемика с Эпикуром заставляет Смита искать все новые и новые аргументы в пользу своей концепции. Одним из таких аргументов является любопытная интерпретация самого знаменитого изречения Гераклита «Человек не может дважды войти в одну и ту же реку»: Смит считает, что если бы душа человека представляла собой не что иное, как совокупность атомов, то люди «постоянно блуждали и ускользали бы от самих себя», быстро забывая, кем они когда-то были! Новая материя, которая придет, чтобы заполнить ту пустоту, которую старое создало своим уходом, никогда не узнает, что такое старое, и что придет ему на смену. Для подтверждения

своей позиции Смит ссылается на Плотина: «Эта новая душа, подобно пилигриму и страннику, всегда будет не знать о том, что знала другая до нее, и мы должны быть совершенно иной формой бытия, чем мы были раньше»⁶.

Кроме того, человеку свойственно проверять и контролировать себя, что было бы невозможно, если бы человек состоял только из материи: «эти материальные величины не могли бороться сами с собой или преобразовывать себя во что-то иное, чем то, чем они являются, своими собственными силами». В душе человека присутствует так называемая греками «самодостаточная жизнь», которая, действуя сама на себя и извлекая свою собственную скрытую энергию, способна обуздать любого человека и подчинить те бунтарские движения, которые возникают из простых животных сил, а также укротить и успокоить все те «восстания» и «мятежи», которые он там обнаруживает. Невозможно себе представить, что все это не что иное, как простая борьба недовольных частей материи друг с другом, каждая из которых стремится к превосходству и господствующему положению. Не ссылаясь на Аристотеля и не приводя точно его слов, Смит повторяет один из его тезисов: есть люди, подобные камню, сколько его не бросай вверх, он все равно будет падать на землю. Следовательно, не стоит тратить «время на обучение такого человека какому-либо высшему знанию, потому что, глядя на него, можно понять, что у него нет более высокой души, чем та, которая существует в животных или растениях». В качестве итога Смит замечает: «как уже давно хорошо заметили платоники и пифагорейцы, наши тела должны, скорее, находиться в наших душах, чем наши души в них»⁷.

Наконец, последний аргумент в пользу бессмертия души заключается в том, что в уме человека присутствуют ясные и устойчивые идеи истины, которые свидетельствуют о бессмертной и нематериальной субстанции, пребывающей в нас, отличной от тела. Эта истина «всегда одна и та же, и она никогда не восходит и не заходит, но всегда стоит неподвижно в своей вертикали и наполняет весь горизонт души мягким и нежным светом. Есть такие спокойные и безмятежные идеи истины, которые сияют только в спокойных душах и не могут быть различимы никаким беспокойным или неустойчивым воображением». Таковы архетипические идеи справедливости, мудрости, добра, истины, вечности, всемогущества и все те моральные, физические или метафизические понятия, которые являются либо первыми принципами науки, либо ее основным набором и совершенной идеальностью. Мы всегда находим их одинаковыми и знаем, что никакие экзорцизмы

материальных изменений не имеют над ними никакой власти, хотя мы сами не вчера родились, и изменчивы каждое мгновение, все же они вечны и не зависят ни от каких земных превратностей; и мы никогда не могли бы получить их из нашего наблюдения за какой-либо материальной вещью, где их никогда не сеяли.

Однако в действительности не все люди могут подняться до этого чистого и устойчивого созерцания истинного бытия, и не все люди могут легко усовершенствовать свое собственное понимание необходимости постижения. В силу этого обстоятельства древние философы вместе с Аристотелем, сделали это особой привилегией некоторых людей, более абстрагированных от самих себя и всей «ярмарки тщеславий» земного мира⁸.

Завершает Смит цепь доказательств бессмертия души пассажем об истинной и настоящей доброте, будучи убежденным в том, что «только истинное добро и добродетель в душах людей могут заставить их одновременно знать и любить, верить и радоваться собственному бессмертию». Хотя каждый добрый человек не настолько логически утончен, чтобы быть способным с помощью подходящих медиумов продемонстрировать свое собственное бессмертие, все же он видит его в более высоком свете. Его душа, очищенная и просвещенная истинной святостью, более способна к тем божественным излучениям, благодаря которым она ощущает себя в единстве с Богом, и свет божественной благодати, смешивающийся со светом ее собственного разума, видит более ясно, не только то, что она может, если это угодно верховному Божеству, по своей собственной природе существовать вечно, но также и то, что она должна это делать: он знает, что никогда не будет лишен той свободной доброй воли, которая всегда сопровождает его; он знает, что Всемогущая любовь, которой он живет, сильнее смерти⁹.

Дискурсы Смита написаны языком и в стилистике XVII века, трудных для не только для современного читателя, но и знатока творчества неоплатоников Кембриджа, английского исследователя XIX века Джона Таллока, о чем он говорит в своем фундаментальном труде. И тем не менее следует подчеркнуть, текст Смита обладает одной особенностью, которая характерна и для текстов Платона. Смит создает атмосферу радости от чтения, если воспользоваться названием работы Р. Барта «Удовольствие от текста», но, в отличие от Барта, в ином смысле: радости постижения и приобщения к солнечному свету, который проникает вдруг в «Пещеру» души, отягощенной суетной жизнью повседневности. И кажется, что эта радость и этот свет не в самих словах,

а в той невидимой «ткани», которая связывает буквы, слова, предложения и строчки между собой. В отличие от Мора, который был и поэтом, оставившим нам несколько произведений в поэтической форме, Смит дополнял свои тексты стихами, но весьма скромно. И тем не менее его тексты очень поэтичны, элегантны в выражениях и изобретательны в построении. Всякая попытка их пересказать сталкивается с проблемой упрощения, редукции и огрубления, даже если прибегать к избыточному цитированию. И в этом плане они представляются философскими текстами будущего, когда наметившаяся связь философии и художественного творчества в XX в. будет продолжена достойным образом и тексты перестанут быть, как правило, унылым и скучнейшим делом избранных.

Эстетическое зримо и незримо присутствует в текстах неоплатоников. Этическое — необходимая составляющая их концепций. Великий швейцарский психолог XX в. Ж. Пиаже подробно исследовал проблему формирования ценностных суждений у детей¹⁰. Оказалось, что этические и эстетические самостоятельные суждения — последняя и высшая ступень человеческого сознания; следовательно, не дошедшие до этой ступени — не достойны звания человека, подобно тому, как в английском языке слово «сознание» является однокоренным со словом «совесть» (consciousness — conscience). Иначе говоря, с лингвистическо-социальной точки зрения, сознание является сознанием только в том случае, если в нем существует, наличествует в качестве необходимой константы совесть.

Смит достаточно много внимания уделяет проблеме примитивной веры в Бога и бессмертия души простых людей, словно предугадывая «диагноз» христианского сознания Кьеркегором два века спустя: где все христиане, никто — не христианин¹¹. Остро ощущая возможность катастрофы (и личной и социальной), когда человек не приходит к пониманию того, что есть христианин и что ему следует сделать, чтобы обрести внутреннюю силу и решимость следовать путем проникновения в суть божественного и бессмертного.

Этот посыл и влияние кембриджских неоплатоников сохраняется и в современной английской культуре. Можно упомянуть три имени: Айрис Мердок, Мэри Стюарт и Джон Фаулз. Писательницы пришли в литературу из смежных областей: Мердок — из философии, будучи поклонницей Платона и преподавателем Оксфорда, Стюарт — преподаватель английского языка, дочь священника, прожившая почти сто лет, создавшая огромное количество

произведений разных жанров, но всегда и везде проникнутых романтической верой в Идею Прекрасного.

И сакраментальный вопрос: для чего нам нужен Платон и вся традиция, связанная с ним? Здесь можно повториться: это — «золотая кладовая» мировой культуры и цивилизации¹². Если отойти от хрестоматийных представлений о нем, то тогда можно только склонять голову и прислушиваться к гениальным пророчествам великого философа. И тогда он предстанет великим основателем подлинной онтологии, где онтология — не учение о бытии, которое есть, а о бытии, которое должно быть, образ которого явлен в произведениях Платона. И тогда будет понятным, как избежать не грядущей, а настоящей, сегодняшней катастрофы взаимного истребления людей, обеспокоенных лишь прагматизмом и страхом утери постоянно возрастающего в геометрической прогрессии личного благополучия и забывших о том, что такое стыд и совесть. Перефразируя слова русского мыслителя Е. Н. Трубецкого¹³: неоплатонизм нам нужен «для очеловечивания» человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Tulloch J. Rational Theology and Christian Theology in England in the Seventeenth Century, 2 vol., London, Edinburg, William Blackwood & Sons, 1874. P. 122.*

² Подробнее: *Голик Н. В. Генри Мор и современность // EINAИ Философия. Религия. Культура №2(20), 2021.*

³ *Smith J. Select Discourses. London, Cambridge Warehouse, 1859. P. 59.*

⁴ *Op. cit. P. 83.*

⁵ *Op. cit. P. 84.*

⁶ *Op. cit.*

⁷ *Tulloch J. Rational Theology and Christian Theology in England in the Seventeenth Century, 2 vol., London, Edinburg, William Blackwood & Sons, 1874. P. 96.*

⁸ *Op. cit. P. 101.*

⁹ *Op. cit. P. 102.*

¹⁰ *Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 1994.*

¹¹ *Кьеркегор С. Евангелие страданий. Христианские беседы. М., 2017.*

¹² *Голик Н. В. Ук. соч. С. 211.*

¹³ *Трубецкой Е. Н. Свобода и бессмертие / Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. С. 298.*